

«ТЕЛЕСКОП» СМОТРИТ В ПРОШЛОЕ

БЕСЕДА ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Борис Докторов, Лариса Козлова

В течение четырех последних лет все без исключения 24 номера «Телескопа» открывались материалами рубрики «Современная история российской социологии». Этот выпуск — 25-ый, своеобразный «юбилей», и будет естественно, если мы подведем в нем итоги сделанного. Именно этому посвящена беседа кандидата философских наук Ларисы Алексеевны Козловой, заместителя главного редактора «Социологического журнала», заведующей сектором социологии науки Института социологии РАН, многие годы занимающейся историей российской социологии, и доктора философских наук, профессора Бориса Зусмановича Докторова, ведущего указанный раздел нашего журнала.

Михаил Илле
редактор «Телескопа»

1. История науки не может быть безлюдной

ЛК: Борис, поводом для нашей беседы стал своего рода «юбилей» рубрики «Современная история российской социологии» в журнале «Телескоп», ведущим которой вы являетесь. Но ведение рубрики, как я понимаю, — одна из возможностей осуществить некий научный замысел. В чем же заключается сам замысел, какие цели Вы преследуете, уже несколько лет активно собирая биографии российских социологов?

БД: Лариса, будем рассматривать эту беседу как продолжение нашего долгого разговора об истории российской социологии и о том, как изучение биографий социологов становится частью воссоздания этой истории. Ряд тем, о которых я мог бы рассказать, отвечая на Ваш вопрос, обсуждался нами полтора года назад [1], сейчас постараюсь сосредоточиться лишь на новом.

За четыре года изучения истории современного этапа российской социологии и проведения интервью со многими коллегами у меня накопился достаточно большой по объему и, мне кажется, интересный по содержанию массив данных для анализа прошлого-настоящего нашей науки. Не противопоставляя собственные поиски тому, что сделано в этой исследовательской области в последние годы рядом ученых, я пытаюсь найти нечто новое в понимании этой темы и связываю мои устремления с созданием истории с человеческим лицом, или истории, написанной от лица тех, кто ее делал и делает.

ЛК: Чем изучение истории, «написанной от лица тех, кто ее делал и делает», на Ваш взгляд, отличается от исследования истории науки в ее традиционном понимании, или «большой» истории науки? Можно ли первое вообще назвать историей, поскольку она по определению должна быть «объективной»?

БД: Исследования истории социологии и биографий социологов, несмотря на их общность, сущностно различны. Во-первых, у них разные предметы и объекты: первая тема в большей степени относится к истории становления науки как социального института, вторая является областью социологии личности и социологии творчества. Во-вторых, описание прошлого социологии должно обладать хотя бы минимально обоснованной мерой полноты; применительно к биографиям социологов тема может раскрываться — во всяком случае, в начале исследований — на основе монографического подхода. В-третьих, история социологии не может быть извлечена из

биографий тех, кто создавал эту науку, поэтому биографический метод не может быть основным, ведущим при изучении и написании «большой» истории, он — вспомогательный. Напротив, при изучении жизни и творчества самих социологов биографический метод — основной. В-четвертых, история социологии — продукт анализа историка, не обязательно имеющего собственный опыт работы в социологии, в то время как судьбы социологов могут изучаться только человеком «своего» цеха. Наконец, история социологии — это описание того, как во взаимодействии государства, общества и ученых-соци-

ологов формировалась данная дисциплина: как возникали исследовательские центры, как формировались те или иные направления и школы, сколько людей работало в социологии, как создавались и функционировала система подготовки кадров, какова география развития науки и т. д. Биографии отдельных ученых здесь лишь дополнение, иллюстрации обнаруживаемых макротенденций. В биографическом анализе все извлекается из рассказов людей о себе и о своих коллегах, и здесь «макро» является не самоценностью, а фоном [2].

ЛК: Вы говорите, что исследования истории социологии и биографий социологов имеют разный предмет и объект. Первые изучают социальный институт науки, вторые близки к социологии личности и социологии творчества. Чтобы биографии помогли в написании истории социологии, необходимы средства перехода от индивидуального к общему, историческому. Как, по Вашему мнению, возможен синтез биографического и исторического — субъективного и объективного, частного и общего? Очевидно, этот синтез Вы и называете «история от лица тех, кто ее делал и делает».

БД: Все проведенные мною интервью опубликованы в журналах «Телескоп» [3], «Социальная реальность» [4] и в «Социологическом журнале» [5], размещены на сайтах этих изданий и на портале российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (IBI) [6]. Одновременно с продолжением процесса накопления новой информации начинается освоение собранного материала.

Некоторые аспекты методологии совмещения, синтеза двух подходов к анализу становления конкретного научного направления — собственно историко-наукovedческого и биографического — возникли передо мною в начале 2000-х годов, когда я приступал к изучению длительного процесса становления технологии и культуры проведения опросов общественного мнения в США. Чтобы показать, как из совокупности общественных вызовов в середине 1930-х годов возник научный (выборочный) метод выявления массовых установок, как происходило развитие этой технологии и формировалось профессиональное сообщество аналитиков общественного мнения, пришлось углубиться в начало освоения Америки европейцами и познакомиться с жизнью и творчеством большого числа выдающихся людей. Процесс и итоги разработки этой темы освещены в серии статей в журнале «Телескоп» и в книгах, последняя из которых опубликована в 2008 году [7].

Можно быть уверенными в том, что накопленный в этой работе опыт поможет в изучении полустолетней истории трудного становления и очень сложного пути развития социологии в СССР/современной России, но ясно и то, что новые задачи потребуют и отыскания новых исследовательских приемов.

2. Я думал, что все было так...

ЛК: Скажите, пожалуйста, как начинались Ваши исследования российской социологии? Имеет ли к этому отношению рубрика в «Телескопе»?

БД: Мне приходилось уже писать о начале моих исследований по истории советской/российской социологии. Если кратко, то их возникновение было стимулировано рождением рубрики по современной истории отечественной социологии в петербургском журнале «Телескоп» [2].

В начале 2000-х годов я занимался изучением творческого наследия и жизни Джорджа Гэллапа, собирал материалы, писал статьи и приступал к работе над книгой. Но в 2004 году исполнялось 75 лет Борису Андреевичу Грушину, которого я уважал как ученого и с которым к тому времени был в добрых отношениях два десятиле-

тия. И мне показалось несправедливым изучать становление американских опросов общественного мнения, уходить в далекое прошлое, но не написать о человеке, первым приступившим к изучению мнений населения СССР. В середине августа статья была закончена и в сентябре опубликована в «Телескопе» [8] одновременно с текстами о Грушине, написанными Борисом Фирсовым, Владимиром Шляпентохом и американским специалистом по России Стивеном Грантом. Таким образом, сразу появился намек, невысказанная заявка на специальную биографическую рубрику в журнале.

Первым на это обратил внимание издатель журнала Михаил Илле и 18 августа написал: «...мне кажется было бы просто гениально, если бы Вы взяли на себя труд быть ведущим рубрики «Современная история российской социологии» <...> я думаю, <...> что эта рубрика станет серьезным и успешным проектом». Не рассуждая долго, я в тот же день ответил согласием и написал «с потолка» какие-то предложения, которые, как ни странно, оказались довольно быстро реализованными. Но мы договорились обильно о новой рубрике только после того, как будет подготовлено хотя бы краткое ее обоснование, сформулированы самые общие цели и предметная направленность. Анонс вышел в следующем выпуске журнала под заголовком «История есть, только если она написана». Основная идея этого обращения к читателям заключалась в словах: «незнание социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории» [9].

ЛК: Что Вы считаете «современной российской социологией»?

БД: Термин «современная социология» предлагалось распространять на постреволюционную, но в еще большей степени — на постхрущевскую. При этом полезность обращения к дореволюционному прошлому связывалась не столько с отысканием следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т.е. в исследованиях советских социологов, сколько с определением путей движения сегодняшней российской социологии в будущее. Современная история должна помочь пониманию того, какое лицо российская социология приобретет через 20-30 лет. Во что она будет трансформироваться: в вестернизированную советскую социологию? в русскоязычную версию европейской и американской социологии? Будет ли это нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, и в том числе — традиции русской дореволюционной социологии? Какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социологии, в какие стороны света они будут смотреть?

ЛК: На мой взгляд, для ответа на эти вопросы ни один исторический этап отечественной социологии нельзя исключать из анализа. Иначе наши предположения об отсутствии или наличии каких-либо идейных или институциональных взаимосвязей между этапами останутся не подтвержденными, а общая картина истории российской социологии — фрагментарной. Что, собственно, мы имели всегда — в силу разных, и в первую очередь идеологических, причин. В результате мы располагаем неполными представлениями об истории нашей социологии — начиная с XIX века; в более раннее время, когда еще не было социологии как науки, но социальная мысль развивалась, никто из нас всерьез и вовсе не заглядывал. Об этой социальной мысли лучше знают историки, чем социологи. Следовательно, исторические знания необходимо пополнять и восстанавливать, чтобы лучше понять традиции социологического мышления в России, себя и свое будущее. Вы согласны с мнением: чтобы представить, какой станет российская социология через несколько десятилетий лет, необходимо изучать ее исторические связи с дореволюционной, послереволюционной, советской и западной социологиями?

БД: Безусловно, согласен, и жизнь постоянно открывает нам новые повороты в этой теме. Совсем недавно Европейский университет в Санкт-Петербурге и Стэнфордским университетом США была учреждена медаль имени известного американского историка и политолога Александра Даллина за заслуги в области изучения российской и советской истории, политики и общества. Ее первым лауреатом стал британский социолог, профессор Манчестерского университета, основатель и до недавнего времени президент Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодор Шанин. Мне довелось встречаться с Даллиным, и я знаю Шанина. И вот, работая над небольшим очерком об американском ученом [10] и помня основные вехи интереснейшей жизни Шанина, я подумал, что, формируемая новая концепция российской социологии, которая обозначается термином «возрождение», должна в какой-то мере охватить и исследования социологов, родившихся в первые после-революционные годы в семьях, эмигрировавших на Запад. Ведь для большинства из них русский язык был первым родным, а русская культура — базой формирования их личности и системы ценностей. Получив профессиональную подготовку на Западе, они многие годы своей научной деятельности посвятили изучению СССР/России и при первой возможности стали помогать становлению современного российского обществоведения.

3. Но было в чем-то не так...

ЛК: Давайте все же вернемся к истории Вашего интереса, я сомневаюсь, что он начался с рубрики в «Телескопе». По давним встречам с Вами, в частности двадцать лет назад на защите моей диссертации по истории российской социологии послереволюционного периода, где вы неожиданно для меня выступили, я знаю, что у Вас и тогда был интерес к этому предмету. Что Вы можете добавить к сказанному?

БД: Еще совсем недавно я искренне полагал, что мое согласие на организацию в «Телескопе» рубрики по современной истории советской/российской социологии и подготовка (квази)программы этого раздела журнала под названием «История есть, только если она написана» — все это состоялось осенью 2004 года, — были началом моих собственных целенаправленных рассуждений о прошлом отечественной социологии. Конечно, я с интересом читал сборник воспоминаний и документов о советской социологии 60-х годов, выпущенный Г.С. Батыгиным в 1999 году [11], высказывал Б.М. Фирсову свое мнение по поводу направленности планировавшейся им работы по истории советской социологии 50–80-х годов, которая увидела свет в 2001 году [12], и знакомился с содержанием ряда статей по обозначенной тематике. Все это было в начале нового века и рассматривалось мною в качестве прицала, от которого можно было потихоньку отталкиваться в собственное плавание, имеется в виду организация рубрики. Однако я не помнил, чтобы значительно раньше вопросы изучения прошлого отечественной социологии интересовали меня и были поводом для рассуждений о целесообразности разработки этой темы. Но в конце ноября я убедился в том, что заблуждался.

Готовясь к одной из запланированных на ближайшее время работ, я решил посмотреть в моем домашнем архиве анкеты и разные бумаги, относящиеся к опросам общественного мнения в Ленинграде в 80-е годы. Я помнил, что у меня что-то было, но очень давно не рассматривал содержание тех пакетов, возможно, какие-то из них я после приезда в США (почти 15 лет назад) вообще не открывал. Среди бумаг обнаружилась вырванная из журнала «Социологические исследования» страница, которая содержала мое письмо в редакцию. Оно было опубликовано в первом выпуске журнала за 1987 года и на-

зывалось «Не терять преемственности». С того момента прошло более двух десятилетий, вместивших в себя много разных, в том числе и драматических событий, но все же после прочтения этого текста я думал, что вспомню, почему я решил его написать, припомню что-либо о процессе работы над ним. Ничего подобного, как будто ничего не было. Была ли заметка большей по объему, какой редакцией подвергалась? Не помню, не знаю.

ЛК: Так о чем письмо?

БД: Я предлагал ввести в журнале рубрику «Из новейшей истории советской социологии», т.е. речь шла точно о том, чему посвящена нынешняя рубрика в «Телескопе». Нет смысла пересказывать содержание той краткой заметки, приведу ее текст полностью [13]:

Не терять преемственности

Оглядываясь на развитие социологии в нашей стране за последние четверть века, анализируя более чем десятилетнюю деятельность журнала «Социологические исследования», все сильнее убеждаюсь: в журнале необходима рубрика «Из новейшей истории советской социологии». Здесь могли бы печататься итоги собственно историко-научных изысканий, не опубликованные ранее результаты исследований, документы, отражающие работу социологических коллективов, хроника прошлых лет, воспоминания.

Чем продиктовано такое предложение?

Во-первых, четверть века — немалый срок для науки и назрела необходимость в глубоком осмыслении пройденного пути. В социологической науке «нового времени» уже прорисовывается своя периодизация, без понимания генезиса отдельных исследовательских направлений невозможно их дальнейшее плодотворное развитие, необходимо охарактеризовать и формирование методического арсенала социологии и т. д.

Во-вторых, сегодняшние 25–30-летние социологи — это третье поколение специалистов. То, как развивались социологические исследования в 50–60-х годах, как формировались научные направления, как складывались творческие коллективы, молодым практически неизвестно. Этот период кажется им далекой историей. Следовательно, не в полной мере обеспечивается необходимая для эффективного функционирования науки преемственность, снижается эвристическая роль школы, традиций.

В-третьих, в нашей социологии, к сожалению, еще не выработано серьезной культуры описания самого исследовательского процесса. Одна из главных причин этого — слабое знакомство с творческой лабораторией признанных мастеров науки. Центры социологической документации можно пересчитать по пальцам. Много ценнейшей информации об исследованиях хранится лишь в памяти участников или в их домашних архивах. И сегодня необходимо сделать все, чтобы накопленный опыт не был утерян.

В-четвертых, чем больше мы удаляемся от, казалось бы, недавнего прошлого, тем труднее восстановить ту атмосферу, которая во многом предопределила современный этап отечественной социологии. А это крайне важно для понимания многих проблем ее дальнейшего развития.

Б.З. Докторов
Ленинград

В принципе было бы интересно узнать, является ли это письмо в редакцию главного социологического журнала страны первым (одним из первых) публичным заявлением о том, что пришло время заниматься новейшей историей отечественной социологии, т.е. событиями, наполнившими временной интервал в 25–30 лет? Недавно завершившийся III Конгресс российских социологов прошел под знаком пятидесятилетия современного эта-

па российской социологии; когда эта заметка писалась, наша наука была много моложе, она еще называлась советской социологией, и дискуссии о возрождении российской социологии не было.

ЛК: Конечно, чтобы наука поставила цель осознать саму себя, она должна иметь не только реальную ретроспективу, но и внутренние стимулы, ощущение связи с прошлым. Сравнивая профессиональную «картину мира», которой жили предшественники, с нашей, — мы познаем себя. Кажется, Жак ле Гофф писал, что любая история есть история настоящего.

Такая ретроспектива существовала и во время написания Вами заметки. Я имею в виду и дореволюционную (с конца XIX века), и советскую социологию 1920–1930-х гг. Но, как мне кажется, ныне работающие социологи и помыслить не могут, что их что-то объединяет со своими предшественниками. Ведь преемственность все время разрывалась. Нет этого ощущения прошлого. Неудивительно, что и Вы в этой заметке 1987-го года не заглядываете дальше начала 1960-х. Но что-то Вас беспокоило и тогда, заставляя обратиться к современной истории социологии, ее предшествующему опыту?

БД: Я тогда не занимался историей социологии, да и само время — начало перестройки — более ориентировало на изучение новых социальных процессов, чем на обращение к былому. Тем не менее, импульсы перестройки, вытолкнувшие на поверхность многого из, казалось бы, навсегда потерянного дореволюционного и раннесоветского, заставляли задуматься о сохранении и изучении собственного недавнего прошлого. Перечитывая этот текст, я удивляюсь тому, что в нем нет ни слова о необходимости изучать наследие социологов предреволюционных лет и тех, кто работал в 20–30-е годы. Но это понятно: хотя отдельные попытки изучения социологии тех лет проводились, в целом эта тематика не рассматривалась как актуальная. Пусть косвенно, но это указывает на то, что в начале второй половины 1980-х советская социология не видела себя «продолжателем» дела предыдущих поколений российских социологов.

ЛК: Борис, разрешите поделиться мнением о том, как наши коллеги относятся к истории собственной науки. Есть ли у нас доброкачественные исследования, есть ли у нас историческое чувство? На мой взгляд, это очень важная тема — для самопонимания и возможности развития.

Первое: скорее всего, Вы правы, что в середине 1980-х гг. тематика исследования дореволюционной и советской социологии 1920–1930-х гг. не считалась актуальной. Почему она не могла быть «актуальной», — об этом и я, и Вы кое-что уже сказали. Но такие исследования в то время велись, их было довольно много, значит интерес был. Они велись в Институте социологии РАН в отделе теории и истории социологии под руководством Г.В. Осипова (назову З.Т. Голенкову, Ю.В. Гридчина, А.И. Черных; кажется, чуть позже присоединился В.В. Сапов), в Ленинграде работали И.А. Голосенко, В.М. Зверев и др.; там же еще в 1970-е гг. вышли несколько книг о послевоенной социологии, написанных Б.А. Чагиным и В.И. Клушиным. Всех я, конечно, не назвала. Именно в начале 1980-х мой научный руководитель Леонид Григорьевич Ионин, занимавшийся историей и теорией западной социологии, посоветовал мне написать диссертацию о социологических концепциях личности, существовавших у нас в 1920–1930-е гг. Конечно, угол зрения в этих исследованиях соответствовал своему времени, но не это важно. Важно, что поиски истории российской социологии шли довольно активно. Сейчас, как мне представляется, нормальные, основанные на документах, исследования в этой области фактически прекратились. Они заменились формальным и поверхностным подходом.

И второе: отечественные социологи не только в середине 1980-х, но и по сей день не чувствуют себя, как Вы говорите, «продолжателями дела предыдущих поколений социологов». Для этого у нас нет ни достаточных исторических знаний, ни достаточного исторического чувства. Для этого, то есть «продолжения дела», у нашей социологии всегда были ограничены возможности. Ведь у нее не было естественного пути, она направлялась и контролировалась извне, зависела от политической ситуации.

И сейчас российские социологи ощущают себя неким «анклавом» в истории своей науки, чувствуют большую близость с прошлым и настоящим западной социологии. Это, конечно, имеет веские основания. Но ведь поиски собственной истории пока далеко не завершены. И вряд ли они могут завершаться, т.к. история — это бесконечно переписываемый текст. Задача — стараться отвечать на вопросы, все время возникающие внутри него. Проблемы невозможно заполнить штурмом, здесь нужны временной лаг и усилия многих историков социологии. Настораживает ситуация, подстегнутая юбилейным годом: сейчас историю пишут быстро, и иной раз те люди, которые ранее этим не занимались. А потому в этих работах, да и в истории российской социологии как дисциплине в целом какие-то факты, роль персоналий, наличие или отсутствие связи — идейной, ментальной, институциональной — между периодами российской социологии вряд ли на сегодняшний момент можно считать проверенными, установленными. Что же касается биографических исследований, очень полезных в этом отношении, то они начались только в середине 1990-х гг. Но вернемся к Вашему письму 1987 года.

БД: Найдя это письмо, я сразу написал вам, ведь в нашей регулярной переписке мы постоянно касаемся широкого круга вопросов истории российской социологии. Вы ответили: «Чудеса, да и только! Вот как работает сознание в науке: уж если появилась навязчивая научная идея, то рано или поздно она пробьется сквозь толщу бессознательного и начнет осуществляться» [14]. Копию письма я отправил Ю.М. Беспаловой, автору ряда работ биографической направленности; несколько лет назад она навела меня на размышления о соотношении судьбы и биографии. Ее ответ можно было предвидеть: это тема *социологии судьбы*...

Получается, что 20 лет назад я написал себя некое задание по изучению истории советской социологии. Но сам об этом и не подозревал и долго ничего не делал.

4. Начало. Электронное интервью

ЛК: Итак, четыре года назад Вы начали выполнять собственное задание двадцатилетней давности. С чего это началось?

БД: Заявив рубрику и обозначив ее цели и тематическую ориентированность, надо было начинать работу. Трудно было допустить, что вслед за заявкой произойдет быстрое насыщение этой рубрики материалами, ведь в тот момент для этого ничего не было кроме моего понимания важности изучения современной истории отечественной социологии и робкой надежды на помощь российских коллег. Она оказалась не напрасной. По поводу статьи о Грушине Фирсов заметил, что так о нас, т.е. действующих социологах, никто не писал. Владимир Ядов откликнулся замечанием (электронное письмо от 11 декабря 2004): «...с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии».

Реакции уважаемых мною коллег не только были толчком к изучению истории российской социологии, но и дали мне подсказку, что можно предпринять. Я написал

их авторам и ряду других социологов, которых знаю десятилетия, о начале проекта по исследованию нашего недавнего прошлого и просил их рассказать о себе. Как говорили в советские времена, «инициатива наказуема».

ЛК: А технологию интервьюирования изобретали в рабочем порядке?

БД: Не было у меня долгих рассуждений по поводу технологии интервьюирования: в моей ситуации — только электронная почта; мои интервью, во всяком случае на первых порах, были продолжением той неформальной переписки, которая связывала меня с моими будущими «респондентами». Накопленный к тому времени опыт историко-биографических исследований однозначно запрещал мне конструирование жесткой анкеты и ее массовую рассылку. Согласившись на такую беседу я написал несколько вопросов, ждал ответ на них и затем отправлял новую порцию вопросов. Беседа о жизни человека — всегда штучна, интимна, ее развитие во многом определяется тем, как мы слушаем этого человека, как реагируем на сказанное (в моем случае — написанное) им. Иногда по развернутому, детальному ответу чувствуешь, что попал в дорогу для собеседника «точку», нащупал то, о чем ему самому давно хотелось рассказать о себе — часто высказать себе самому. Но бывает, что ответ явно или скрыто указывает на нежелательность обсуждения предложенной темы или конкретного фрагмента жизни интервьюируемого. Я и не настаиваю.

ЛК: Все-таки Вы вступаете в диалог со своим собеседником. Как это происходит? Вы как-то влияете на создание текста, редактируете его?

БД: Как интервьюер и одновременно исследователь я разрешаю себе — но каждый раз стараюсь делать это максимально тактично — просить моего собеседника развернуть, детализировать тот или иной фрагмент описания и очень редко прошу снять какие-то факты или утверждения. Конечно, тем самым я вмешиваюсь в ход повествования и препятствую тому, чтобы то или иное событие прошлого стало публичным. Я стараюсь это делать только в случаях, когда предполагаю, что оглашаемая критическая информация, особенно касающаяся умерших наших коллег, имеет скорее межличностный, чем общественно-профессиональный характер, и потому она мало существенна для описания и понимания процесса становления отечественной социологии. Вторая причина, в силу которой я вынужден по согласованию с респондентом сокращать его текст, — это ограниченность пространства, выделенного для рубрики в каждом номере журнала. Тем более что оно немалое — два печатных листа. Что касается собственно редакторской правки, то она минимальна: я хочу сохранить не только смысл высказываний моего собеседника, но и присущие ему особенности письма.

Довольно быстро сложился и режим общения в ходе беседы: я стараюсь высылать новые порции вопросов вскоре после получения ответов, понимая важность, необходимость использования «сегодняшнего» настроения моего собеседника на воспоминание и описание былого; но при этом я никогда не тороплю моего собеседника с ответом, делаю это лишь в тех случаях, когда работа завершается и готовится к публикации. Обычно интервью продолжается 3–5 месяцев, но есть и рекорды обоих типов: быстрые — пара месяцев, долгие — более года.

ЛК: Скажите, а по каким критериям Вы отбираете своих респондентов?

БД: Исходно существовало два принципа выбора респондентов для биографических интервью: наличие у них электронной почты и успешность профессиональной деятельности. Под последним я понимал не наличие учебных степеней, не занимаемую должность, не количество опубликованных научных работ, а известность в про-

фессиональном цехе. Понимаю расплывчатость этого критерия, но два обстоятельства позволяли мне не стремиться к его формализации. Во-первых, я лично знаком с большим числом социологов, известность которых в нашем сообществе не вызывает сомнений, к тому же многие из них обладают высокими степенями и званиями и занимают ответственные посты в должностной иерархии. Во-вторых, я сразу исходил из того, что моя новая работа — на годы; каждое интервью — дело штучное, и работаю я один. Кроме того, обращаясь к моему потенциальному респонденту, я обещал опубликовать интервью в самое ближайшее время после его завершения. До сих пор это обещание ни разу не нарушилось, максимум через полгода человек держал в руках журнал с текстом интервью.

Процесс отбора собеседников я не трактую как построение выборки, ибо я не знаю параметров генеральной совокупности и не ставлю перед собою задачи репрезентировать ее. Но важнее другое: у меня не массовой опрос, а изучение индивидуальных биографий, уникальных жизненных траекторий. К тому же я обязан быть пристрастным и в первую очередь интервьюировать представителей старших поколений. Только они могут рассказать о прошлом.

ЛК: Что Вы можете сказать об особенностях и эффективности онлайн-интервьюирования?

БД: У каждого метода сбора информации есть позитивные и негативные стороны, это относится и к электронному интервью. Тем не менее, соотнося цели и характер проводимого историко-научного исследования и возможности онлайн-беседы, я склонен оценивать этот метод весьма высоко, в определенных отношениях он представляется мне эффективнее, чем живое интервью. Онлайн-беседа в действительности является «мягкой» формой анкетирования, позволяющей респонденту в привычной обстановке ознакомиться с вопросами, настроиться на ответы, выбрать подходящее для работы время и отвечать на вопросы с той степенью развернутости, которую он считает необходимой. Он может несколько раз редактировать свои ответы, дополнять их, вспоминая нечто важное. Мне приходилось давать интервью «под диктофон» и отвечать на вопросы, получаемые по электронной почте. И я отдаю предпочтение второму варианту. Не чувствуешь цейтнота, можешь не отвечать слишком быстро и кратко на вопросы, требующие не просто размышлений, но точной датировки и аргументации, построенной на фактах.

Безусловно, легче начинать «разговор» с человеком, которого давно и хорошо знаешь. Но у меня есть опыт общения и с теми, с кем личное знакомство состоялось в ходе проведения интервью, а недавно были опубликованы итоги беседы с новосибирцем В.А. Артемовым [15], с которым мы никогда не встречались.

5. Содержание рубрики: количественные показатели

ЛК: Раз конкретным поводом для нашего разговора стала рубрика в «Телескопе», расскажите подробнее о ее содержании. Какие материалы в ней опубликованы?

БД: Статья о Б.А. Грушине и «манифест», т.е. сообщение о новой рубрике «Телескопа», составляют содержание первого этапа, когда лишь возник и стал оформляться замысел работы по современной истории российской социологии. Собственно жизнь рубрики началась с биографического интервью с Б.М. Фирсовым, опубликованного в первом номере журнала за 2005 год [16]. В течение четырех последующих лет все 24 номера журнала открывались материалами, освещающими те или иные грани прошлого нашей науки или знакомящими читателей с биографиями российских социологов. Таким образом, состоялось

подряд 24 встречи читателя с материалами историко-научно-ведческой рубрики. Эта встреча — своего рода юбилейная, 25-ая. Не зная, в какой мере этот факт замечателен сам по себе, но я не припомню того, чтобы в других российских социологических изданиях эта тематика освещалась столь регулярно. Это невозможно было бы сделать без постоянной поддержки М. Илле.

Все (начиная с 2004 года) опубликованные в рубрике тексты могут быть сгруппированы следующим образом:

- Биографические интервью — 23 (19 из них проведены мною, два — Д. Шалиным и по одному — М. Аlesiной и Б. Фирсовым).
- Биографические очерки, воспоминания о коллегах — 17.
- Историко-социологические материалы — 8.
- Труднодоступные статьи, относящиеся к теме рубрики — 2.

Добавлю, что ряд текстов, по содержанию примыкающих к тематике рубрики, был в силу организационных обстоятельств опубликован в разделе «Методология и методы». Это — два интервью [17], [18], в которых я отвечал на вопросы В. Ядова о моих биографических исследованиях, ваши к ним комментарии [19] и моя беседа с И. Петровской по поводу ее книги «Биографика» [20], [21]. Получается, что за четыре с небольшим года в журнале «Телескоп» было опубликовано свыше полусотни материалов, относящихся к истории советской социологии и изучению биографий ее создателей. Принимая во внимание, что под материалы рубрики выделяются два печатных листа и нередко представляется дополнительное пространство, можно оценить и общий объем опубликованного — свыше 60 печатных листов.

В определенный момент времени проект стал разрастаться, ряд биографических интервью (несколько видоизмененных), по согласованию с редакцией «Телескопа», печатался в «Социологическом журнале» и «Социальной реальности». Некоторые интервью и аналитические материалы публиковались только в этих изданиях.

ЛК: Как человеку, имеющему непосредственное отношение к «Социологическому журналу», мне интересно узнать о принципах дифференциации материалов. Как Вы решали, что в каком издании опубликовать?

БД: Моя бы воля, так, Лариса, я бы многое вам передавал, но вы выходите лишь четыре раза в год. Так что в вашем журнале опубликовано лишь несколько моих интервью с социологами, причастными к созданию нашей науки: Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин и Ж.Т. Тощенко.

ЛК: Добавлю, мы опубликовали и интервью с Вами.

БД: Спасибо за напоминание.

6. Международная биографическая инициатива

ЛК: Чтобы биографические материалы могли приобрести значение исторических, то есть использоваться при написании истории, их как минимум должно быть много и они должны накапливаться. Видимо, для этого Вы и Дмитрий Шалин создали специальный сайт. Я прошу Вас рассказать о его замысле и содержании.

БД: Появление значительного по объему биографического материала в «Телескопе», рост интереса к истории российской социологии дали жизнь новому сетевому историко-методологическому проекту «Международная биографическая инициатива» [6]. Его идея принадлежит Дмитрию Шалину, бывшему ленинградцу, уже долгие годы являющемуся профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе. Портал возглавляемого им Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) существовал давно, и осенью 2005 года мы с ним начали работу над новым разделом, в которой можно было бы

коллекционировать все интервью, проведенные с советскими/российскими социологами, а также любой другой историко-методологический материал, относящийся к постхрущевскому периоду российской социологии. Мы понимали объективную ограниченность наших возможностей в сборе необходимой информации и были очень рады тому, что Вы, Ваша коллега Наталья Мазлумянова, а также наши давние петербургские друзья и коллеги Андрей Алексеев и Борис Фирсов согласились помогать нам в этой работе. 2 мая 2006 года состоялась «презентация» сайта, сообщение о нем было выслано более чем сотне российских и зарубежных социологов, интересующихся развитием советской социологии.

Композиция сайта задана его основными структурными элементами — разделами: Интервью; Автобиографии, дневники, мемуары; Документы; Воспоминания; Статьи по истории социологии и биографическому методу; Приложения и Комментарии. За прошедшие два с половиной года сайт, по мнению специалистов, стал крупнейшим собранием материалов по истории российской социологии, общее число «единиц хранения» приближается к 400. В том числе: свыше 120 рассказов о своей жизни 75 социологов; более семидесяти статей исторической направленности и около шестидесяти — по различным аспектам методологии биографического метода.

7. Как это было

ЛК: Как, по Вашему мнению, основные цели «истории социологии с человеческим лицом» соотносятся с целями истории социологии в традиционном понимании, институциональным подходом к исследованию этой науки?

БД: Конечно, все серьезные историко-научно-ведческие исследования синтетичны, в них собственно институциональный подход соседствует с анализом парадигматики науки и включает в себя рассмотрение элементов биографий ученых, во всяком случае — активно причастных к процессам институционализации науки. С другой стороны, изучение биографий ученых предполагает рассмотрение их жизненной траектории и основных линий в творчестве на фоне общего состояния науки, т.е. включает в себя фиксацию тех или иных ее институциональных атрибутов. Тем не менее, никакая история не способна охватить всех событий, происходящих в науке даже на относительно коротком интервале ее развития. Ведь они различаются по масштабу влияния на науку и по их общественной значимости, по составу субъектов, участвующих в них, по продолжительности и т.д.

Таким образом, в своей работе историку неизбежно приходится выбирать из всего множества событий прошлого лишь те, которые наиболее отвечают избранному им уровню анализа предмета исследований, т.е. расположены в соответствующем событийном пространстве. Институциональная история социологии концентрируется на изучении и освещении событий, имеющих непосредственное значение для становления социологии как социального института, и все другое, не оказывающее прямого влияния на институционализацию науки, в этом случае автоматически становится «периферийным». Наоборот, в истории с человеческим лицом доминирует другой подход к выделению фрагментов прошлого, подлежащих анализу, в ней существует иная шкала ценности сюжетов. Центральными становятся те, которые определяют творческий путь ученых. Скажем, в институциональной истории сложно выделить нишу для изучения процессов ранней социализации исследователей, а ведь это — ключ к пониманию деятельности и отдельных ученых, и целых поколений, определяющих институциональный облик науки. Аналогично, оперируя наукой как социальным институтом, крайне трудно заглянуть в «лабораторию ученого», чтобы проследить движение его мысли или логику его действий,

т.е. самое существенное в развитии науки. В такой истории нет индивидуально-личностного, не показана интимность научного поиска, не обозначено то продуктивное отшельничество, которое необходимо для творчества, и нет той бодрящей, стимулирующей коллективности ученых, без которой не складывается наука.

В свете сказанного в биографических исследованиях по истории социологии приобретает особый смысл вопрос: «Как это было?», обращенный, если есть такая возможность, к тем, чья биография изучается, или к воспоминаниям об этих людях, а также задаваемый историком самому себе. Каким было детство, кто родители, что интересовало в юности, как происходил выбор профессии, какие дороги привели в социологию, в силу каких причин был сделан выбор тех или иных исследовательских направлений, что удалось и что не получилось... Из ответов на подобные вопросы и складывается — пусть очень условное, мозаичное — описание становления и развития творческой личности. Совокупность подобных максимально индивидуализированных портретов дает представление о поколении и о связи поколений. Рассказы профессионалов — даже без особого их «наведения» на эту тему — позволяют воссоздать один из самых ценных элементов организации научного сообщества — коммуникационные сети: друзья, коллеги, ученики. Замечу, построение (воссоздание) этих структур общения одновременно является и задачей институциональной истории.

ЛК: Удается ли на основании биографических воспоминаний восстанавливать реальные факты? Используете ли Вы документальные источники при написании историко-биографических материалов?

БД: Вообще говоря, все из проведенных трех десятков интервью — это множество рассказов о том, «как это было». Вместе с тем практика проведения интервью и изучения собранного материала породила появление пока небольшой серии моих эссе под общим названием: «Как это было»; это — не вопросы, но ответы на них. Характерной особенностью этих заметок является то, что они базируются не на воспоминаниях, а на документах, относящихся к периоду описываемых событий.

Сначала это были комментарии к интервью, взятого мною у Л.Е. Кесельмана [22]; тогда оказалось возможным дополнить его воспоминания об одном из главных событий в его творческой жизни моими дневниковыми записями [23]. Затем был анализ докладной записки заведующего сектором ленинградского Института социально-экономических проблем АН СССР Б.Д. Парыгина, явившейся в первой половине 1980-х годов частью действий руководства этого института, направленных на свертывание исследований по массовой коммуникации и многолетнего советско-венгерского проекта по этому же направлению социологии [24]. Наконец, совсем недавний опыт — это, текст [25], основывающийся на обширной коллекции документов, собранных А.Н. Алексеевым и рассказывающих о коллективной акции группы российских социологов, несогласии с созданием новой профессиональной ассоциации — Союза социологов России.

ЛК: Можете ли Вы сделать вывод, что использование документов в биографическом исследовании помогает достижению достоверности, если да, то насколько? Как сочетать воспоминания и документы, которые могут противоречить друг другу?

БД: Некоторые методологические выводы о соотношении того, что было, и того, что помнится, будут получены по итогам новой работы, начатой беседой с Б.М. Фирсовым о наших исследованиях общественного мнения работающего населения Ленинграда в 70-е–80-е годы. Я недавно перечитал записи в моем дневнике (небольшая книжонка) 1971–1973 годов и обнаружил там многое, относящееся к тому проекту. Потому то, что еще недавно виделось нам обоим как «начало 1970-х», теперь приобрело год, месяц,

день. Многие события, я пока не знаю, насколько они были важными, просто вылетели из нашей памяти. А ведь все это важно не только в собственно биографическом плане, но и в институциональном, ведь речь идет о первых шагах в изучении общественного мнения в СССР.

ЛК: Сейчас Вы совместно с Борисом Максимовичем пытаетесь вспомнить события начала 1970-х годов. Помимо того, что трудно вспоминать далекое прошлое, наверное, не всегда можно прийти к согласию в этих воспоминаниях. Ведь можно играть в четыре руки на пианино, когда партии расписаны или импровизируя. Но как «играть в четыре руки», вспоминая давнее прошлое, когда играющие имеют разный взгляд на него, разную память? Как Вы находите компромисс?

БД: Лариса, нас с Фирсовым связывают сорок лет дружбы, и, честно, я не помню, чтобы у нас вообще возникали ситуации, требовавшие сложного поиска компромиссов. Безусловно, у нас может быть разное видение, тем более — разная оценка событий многодесятилетней давности, ведь у нас был разный профессиональный и жизненный опыт, и каждый из нас в принципе по-разному видел происходившее. В Талмуде говорится: вещи видятся нам не такими, какие они есть, а такими, какими мы являемся. Но сейчас мы готовы к тому, чтобы в случае расхождения в понимании прошлого, просто привести разные точки зрения.

ЛК: Говоря о своих исторических исследованиях, Вы указали два метода: биографические интервью и работу с документами. Какие еще методические средства есть в Вашем арсенале?

БД: Не знаю, можно ли это назвать методом или жанром, но я ощущаю, что предстоит поиск приемов, которые позволили бы соединять мозаику воспоминаний «респондентов» и содержание документов и иметь на выходе социокультурные портреты людей, создававших современную российскую социологию. История отечественной социологии с «человеческим лицом» — это такое описание картины прошлого, в которой ученые должны присутствовать как личности с присущими им интересами и мотивами, страхами и личными драмами, как субъекты сотрудничества и противостояния, как люди, осознавшие свое время и себя в нем. Пока все это — скорее разрозненные предварительные соображения относительно продолжения работы, сформировавшейся в деталях методологии еще нет. Тем не менее, не дожидаясь того, когда многое прояснится, мне показалось целесообразным начать осмысление накопленного материала. При этом обнаружилось, что описание результатов историко-биографического анализа можно осуществлять по-разному.

Прежде всего, это очерки о жизни социологов, которых я лично знал и которых мог наблюдать в разных жизненных ситуациях. В этом жанре сделаны статьи о жизни и творчестве Б.А. Грушина [8], [26], В.Б. Голофаства [27], Я.С. Капелюша [28], Ю.А. Левады [29] и Г.В. Старовойтовой [30]. Кроме того, оказалось возможным «привнести» биографичность в такие работы, в которых она совсем не обязательно должна присутствовать. Укажу на заметки по поводу четырехтомника А.Н. Алексеева, в котором представлен значительный отрезок его жизни, когда он работал станочником на заводе [31]. Наконец, беседа с Б.М. Фирсовым о его книге об инакомыслии в СССР, пронизанной автобиографическими сюжетами [32].

8. Не возрождение, но второе рождение

ЛК: Борис, до сих пор мы говорили о содержании собранных Вами материалов, обсуждали некоторые методологические проблемы. А есть ли у Вас на сегодняшний момент социолого-научоведческие результаты? Иными словами, что конкретно Вам удалось понять, установить в отношении истории российской социологии, основываясь на биографических исследованиях?

БД: Изучение содержания свыше сотни биографических интервью и очерков, а также мемуаров, рассказывающих о жизни и работе более восьмидесяти российских социологов (в значительной мере все это представлено на сайте IBI), позволило к настоящему времени сформулировать два новых историко-научных положения, которые еще предстоит уточнять и развивать.

Первое касается моей интерпретации генезиса современного этапа развития советской/российской социологии. Сейчас большинство специалистов то, что произошло в начале 1960-х, когда на волне политической «оттепели» в разных городах СССР начали проводиться прикладные социологические исследования и обсуждаться общетеоретические и инструментальные проблемы социологического познания, характеризуют термином «возрождение». В мировой истории понятие «Возрождение» закреплено за всеобъемлющей культурной, научной и социальной программой создания философии, науки и искусства, базировавшейся на идеалах антики и отторгавшей дух средневековья. В общеметодологическом плане главное здесь заключалось в переосмыслении наследия древних философов, ученых и мастеров искусства и в использовании их достижений для построения новой картины мира и новой культуры.

Однако ни обращение к документам конца 1950-х – начала 1960-х годов, ни осмысление биографий первых поколений социологов «нового времени» не указывает на то, что в тот период происходило освоение достижений дореволюционной и ранней советской социологической науки. Да этого и не могло быть. Суть не в том, что социологи-шестидесятники слабо представляли себе сделанное их предшественниками и не хотели познакомиться с ними. Но в том, что подобного «архитектурного» замысла у них в принципе не могло возникнуть в силу политико-идеологических обстоятельств той эпохи. Рубеж XIX–XX веков был закрыт от них, в частности, в силу особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Сделанное теми российскими учеными начало путь на Родину только после перестройки.

Таким образом, то, что трактуется сейчас как возрождение, не было таковым. В действительности в середине прошлого века в СССР произошло «второе рождение» социологии, и его лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизм зарождения, мотивации деятельности первопродцев социологии это совсем иной феномен, процесс иного строения. Эта концепция была мною сформулирована осенью 2007 года [33] и нашла поддержку у ряда российских социологов. В.А. Ядов написал мне: «...отличная и аргументированная статья. Термин «возрождение» нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново» (11 октября 2007 г.). Позже я включил обсуждение вопроса о «возрождении – втором рождении» в проводившиеся интервью с коллегами разных поколений – В.А. Артемовым [15], Т.И. Заславской [34], Ж.Т. Тощенко [35], Ф.Э. Шереги [36], В.Э. Шляпентоном [37] – и получил их принципиальное согласие с изложенной трактовкой этой темы.

ЛК: И все же для меня остается открытым спор: чем считать период «оттепели» — «возрождением» или «вторым рождением российской социологии»? Коротко о сути моих вопросов. Может быть конец 1950-х–1960-е гг. — это не «второе рождение» (оно «второе» по счету в рамках новейшей советско-российской социологии; если захватить дореволюционное время, то «третье»), а толчок к возрождению, его начало после уничтожения идейно богатой дореволюционной социологии? Если мы скажем «это второе рождение», то закроем себе путь к признанию некой связи с собственными корнями, я имею в виду начало российской социологии, относящееся к XIX

веку. Мы признаем, что в 1960-е гг. все началось с нуля. На мой взгляд, это по меньшей мере противоестественно для истории идей. Страна, конечно, изменилась, но это та же страна, те же язык, культура.

Давайте посмотрим, было ли «взаимодействие» между тремя периодами российской социологии? Период 1950-х–1960-е гг. заключался в отторжении от раннего советского и никак не затрагивал досоветскую социологию. Он не связывал себя ни с чем, кроме западной социологии. Но ведь западная социология тесно взаимодействовала с дореволюционной российской, и наоборот. Исходя из трактовки «Большого Возрождения», которую Вы приводите, возможно посчитать 1950–1960-е гг. началом возрождения российской социологии, которое продолжится и сейчас — пережив разные болезненные стадии. Ведь уже лет 20–30 мы не можем себя упрекнуть в безразличии к досоветской и ранней советской социологии. Написано немало работ, издано и переиздано первоисточников; со сколькими именами довелось познакомиться историкам социологии, всем, кто заинтересован в расширении собственного социологического самознания! Отторжение сменяется переосмыслением и поисками идейных связей. Может быть, 1950–1960-е годы — это начало возрождения, а полного умирания и не было? Ведь социология даже при Сталине официально не запрещалась, идеи не прерывались, они скорее приобрели внеинституциональную форму существования, свернулся масштаб исследований.

Возрождение — «большое» или «малое», социологическое — развивается по своим законам и требует исторического времени, связанного со сменой ценностей и сменой поколений. Требует времени и его осмысление. Может быть, сейчас рано делать окончательные выводы о нашей новейшей истории? Это не вопрос, а только размышления над Вашим первым положением.

БД: Мне кажется, что различие в наших интерпретациях случившегося на рубеже 50 – 60-х сократится, если мы будем рассматривать второе рождение российской социологии и как толчок к возрождению. Что касается влияния западной социологии на дореволюционную российскую, то здесь за последние годы многое прояснилось. Хотелось бы теперь понять механизмы и глубину обратного процесса.

9. 12 поколений советских/российских социологов

ЛК: Но Вы обещали рассказать и о втором результате...

БД: Второй вывод, который складывается из анализа биографического материала, охватывает тематику поколенческой стратификации совокупного социологического сообщества, сформировавшегося за прошедшие полвека. В моем понимании, поколения — это наделенные рядом существенных социально-профессиональных характеристик возрастные группы российских социологов, и потому их вычленение внутри сообщества, в первую очередь связано с определением хроно-границ этих поколений. Формально эту задачу можно рассматривать как количественную, или «арифметическую».

В действительности, *смоделированные* поколения должны хранить в себе следы реального процесса *развития отечественной* социологии, соотноситься с множеством глобальных *социально-политических процессов*, формировавших поколенческую структуру всего *советско-российского общества*.

ЛК: Я хочу поддержать идею, что поколенческое структурирование наличного социологического сообщества — сейчас важный методологический прием его исследования. Я бы даже сказала — обязательный. Как и Вы, под

поколениями я понимаю социально-профессиональные группы; их вполне можно назвать и социокультурными. Фактор возраста здесь не несет главной нагрузки, хотя и проявляется объективно. Поэтому выделение поколений я не связываю в решающей степени с «арифметикой», определением хроно-границ. Пытаясь смоделировать поколения социологов, я учитывала социальные процессы в обществе и в социологии, свидетелями и участниками которых были представители каждого поколения. Мне кажется, что Ваши и мои (они описаны в двух недавно опубликованных статьях) результаты довольно близки, хотя есть и различия. В частности, я большую роль отвожу влиянию событий, происходивших в самой социологии; Вы же больший упор делаете на ситуацию в обществе. Таким образом, я детальнее описываю именно совместный опыт в социологии и профессиональные ценности, что придает облику поколений немного другую специфику. Подробнее сейчас сказать о различиях наших моделей не могу, так как сравнительного анализа не проводила. Расскажите, пожалуйста, как Вы конструировали поколения социологов?

БД: Мое нынешнее понимание структуры поколений возникло не сразу и в настоящее время сводится к выделению семи возрастных групп (Таблица 1). Оно впервые было изложено на методологическом семинаре памяти Г.С. Батыгина, проходившем в Москве, 25-26 апреля 2008.

Таблица 1.
Поколения советских/российских социологов

Поколение	Годы рождения
первое	1923 – 1934
второе	Вторая половина 20-х – 1934
третье	1935 – 1946
четвертое	1947 – 1958
пятое	1959 – 1970
шестое	1971 – 1982
седьмое	1983 – 1994

Я понимаю, что предложенная система 12-летних поколений не может быть принята сразу и безусловно, ибо в действительности все много сложнее, множество отношений между поколениями в науке не регламентируется лишь возрастными различиями (или совпадениями), да и внутр поколенческая коммуникация — весьма многокрасочна. Высказывавшиеся в дискуссии возражения имели ту же направленность и, кроме того, было своего рода отторжение эстетики предложенной типологии: последовательные 12-летние интервалы показались некоторым критикам искусственными, противоречащими рваному, не монотонному развитию советской и постсоветской государственной и социальной системы.

Что пока можно сказать в защиту предложенной схемы поколений? Первое, при ее создании учитывались плодотворные эвристические принципы «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», имеющие общеметодологическое значение. Второе, «красота», стройность математического описания (последовательность 12-летних интервалов) — это дополнительный аргумент в пользу логической валидности предложенной схемы. Математика как язык познания и описания тех или иных фрагментов реальности имеет свои критериальные атрибуты. Так, «простота» возводимого здания, минимальное число специальных достроек обеспечивают его устойчивость, свободу от частностей, обычно заслоняющих суть отражаемого, или моделируемого процесса. Третье, мне хотелось бы познакомиться с иными решениями выделения профессиональных когорт внутри российского сообщества социологов, которые в той же мере, как предложенное, базировались бы на собранном биографическом материале и так же задавали все поколенческие страты, а не ограничивались бы рассмотрением двух-трех.

Важнейшим атрибутом предлагаемой модели поколенческой стратификации является *открытость* временных интервалов, обозначенных в Таблице 1; другими словами, хроно-границы трактуются как «мягкие». Отсутствие жесткого разделителя между поколениями позволяет обоснованно решать два вида задач. Во-первых, при необходимости можно объединять, скажем «младших» какого-либо поколения со «старшими» следующего. Во-вторых, при изучении творчества какого-либо социолога, формально принадлежащего к одному из поколений, с учетом ряда обстоятельств относить его к поколению предыдущему или следующему. Это возникает в тех случаях, когда годы рождения ученого лежат в начале или конце выделенного для данного поколения интервала.

ЛК: Конечно, границы поколений не могут быть жесткими. Тем не менее, опишите, пожалуйста, сущностные свойства каждого из них.

БД: *Первое* поколение советских социологов вошло в жизнь после смерти Ленина, в годы свертывания НЭПа и перехода к развернутому строительству социализма; на рубеже 1920–1930-х зародился культ личности Сталина. В памяти многих социологов этого поколения остались годы массовых репрессий конца 30-х, их детство/юность прошли в годы войны (старшие участвовали в ней), а молодость — в период хрущевской оттепели. Свою профессиональную деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически «с нуля», *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и эмпирические методы. В рамках реализации настоящего проекта были проведены интервью со следующими представителями этого поколения: Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, В.Э. Шляпентох и В.А. Ядов.

Второе поколение (годы рождения: вторая половина 20-х–1934) по возрасту и социально-политическим воззрениям очень близко к первому, но принципиально отличается от него тем, как оно входило в науку. Эти люди формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и социологи первой волны, но в силу различных обстоятельств они пришли в социологию позже них, став их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*.

Природа второго поколения определяется *ненормальным* характером развития социологии в СССР, когда в течение длительного периода в стране не проводились социологические исследования и не происходило традиционного для науки постепенного подключения новых поколений ученых. Именно это обстоятельство объясняет и то, что нумерация поколений (Таблице 1) начинается с двенадцатилетки 1923–1934 гг. Предыдущие поколения, с которых в случае нормального развития науки следовало бы вести отсчет развития советской социологии, фактически оказались вне истории. Лишь в 60-е годы началось робкое освоение работ дореволюционных и ранних советских социологов, и только в начале 1990-х возникла установка на серьезное изучение сделанного до 1917-го и в 20–30-е годы. Это тенденция трактуется как процесс *возрождения* российской социологии. Среди социологов, относящихся к этой когорте, были опрошены: А.Н. Алексеев, А.В. Баранов, Я.И. Гишинский, Б.И. Максимов, И.И. Травин, Б.М. Фирсов и Д.Л. Константиновский. Все поколения после второго имеют свою *собственную* нишу на временной оси.

Детство *третьего* поколения (годы рождения: 1935–1946) пришлось на годы войны, старшие в полной мере хлебнули ее тяготы и помнят нелегкое послевоенное время. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения. Первые два поколения — «шестидесятники», третье — младшие шестидесятники. Траектории

жизни представителей этого поколения могут быть прослежены в биографиях наших следующих респондентов: А.Б. Гофмана, Л.Г. Ионина, Л.Е. Кесельмана, Л.В. Пановой, Е.С. Петренко, Р.С. Могилевского и Ф.Э. Шереги. Автор этого проекта тоже относится к этому поколению.

Четвертое поколение социологов (1947–1958) — послевоенное — формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX Съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, полеты первых спутников и Ю. Гагарина, «пражская весна» — составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. Это поколение пока слабо представлено в нашем проекте, лишь М.Е. Илле и М. Тарусиним.

Пятое поколение (годы рождения: 1959–1970) вошло в жизнь и взрослело вместе со становлением и трансформацией брежневской эпохи: строительство БАМа и начало войны в Афганистане, Хельсинский мирный договор и ссылка А. Д. Сахарова в Горький. Великая Отечественная входила в сознание многих из представителей этого поколения через чтение «Малой земли» и вручение в 1978 году ордена Победы маршалу Л. И. Брежневу.

Представители *шестого* поколения (годы рождения: 1971–1982) в детстве тоже наблюдали все это, но их гражданское сознание формировалось уже в годы перестройки и реформ Б. Ельцина. О войне они узнавали не от родителей, но от дедушек и бабушек, песни Галича и Окуджавы для них менее «свои», чем Высоцкого, Гребенщикова и Цоя.

О последнем — *седьмом* поколении (годы рождения: 1983–1994) еще рано говорить, но следует помнить, они — скорее дети эпохи В. Путина, чем Б. Ельцина.

Очевидно, что на новые социальные вызовы отвечает не поколение, родившееся в период их возникновения, а представители предшествующих поколений; каждое поколение должно иметь время, чтобы созреть граждански и профессионально. Первые два поколения — «шестидесятники» — родились во второй половине 20-х–начале 30-х, но вступили в дело, почувствовав и прочувствовав признаки хрущевской оттепели. В то время это были тридцатилетние люди, имевшие и достаточно богатый жизненный опыт, и знания в области философии, истории, экономики. Третье поколение входило в социологию в конце 60-х–начале 70-х, тогда крайне актуальным для развития науки было освоение методов обработки эмпирической информации и повышение надежности социологического измерения. Не случайно тогда в очень короткий временной интервал в Москве и Ленинграде в социологические подразделения пришла значительная группа молодых людей с математическим или физическим образованием. Им предстояло заниматься вопросами выборки, шкалированием, созданием программ для простейшей обработки больших массивов, освоением правил интерпретации результатов математической обработки. Прошло четыре десятилетия, и сегодня все эти задачи кажутся «семечками», но это и потому, что это поколение ответило на те исторические вызовы.

«Шестидесятники» вытянули на себе рождение социологии и они же стали первыми в годы перестройки, это ненормально, но это — отражение того, как развивалась наша социология. Однако в первых рядах тех, кому предстоит ответить на вызовы современной глобальной социологии и «путинского периода» должны быть сегодняшние 30-летние (шестое поколение).

ЛК: В Вашей классификации практически не уделяется внимания тому, как на формирование поколений влияли значимые события, происходившие внутри самой социологии, например, — открытие десятков социологических лабораторий и служб — в партийных организациях и на предприятиях («заводская социология»)

во второй половине 1960-х и сворачивание всего этого в начале 1990-х; постановление ЦК КПСС, легитимирующее социологическое образование и социологию как профессию (1986); за ним последовали — введение социологического образования (первые факультеты в МГУ и ЛГУ (1989), позже — их сеть по всей России) и стандартов социологических специальностей (1994); одновременно был массовый приток в социологию специалистов по истмату и научному коммунизму после расформирования соответствующих кафедр и т.п. Можно назвать и новейшие процессы — второй половины 1990-х–2000-х гг., — которые не могли не повлиять на облик поколений российских социологов, их ценности и деятельность, — разрушение доктрины советского марксизма и переход к так называемой «полипарадигмальности»; фактической ежедневной прикладных социологических исследований к маркетинговому и изучению общественного мнения, заметное ослабление интереса к фундаментальным исследованиям вообще и у молодых специалистов в особенности. Список можно продолжить, подробнее это рассмотрено в недавно завершённой статье [38]. Чем Вы объясняете то, что акцентировали свое внимание на общественных условиях, на вненаучных интересах?

БД: Упомянутые Вами Постановление ЦК КПСС, введение социологического образования, массовый приток в социологию специалистов по истмату и научному коммунизму происходили много позже анализируемого мною временного интервала, к тому же перечисленные события можно лишь условно рассматривать как происходившие внутри самой социологии. Они повлияли на развитие социологии, но их происхождение — внешнее. На мой взгляд, происходящее собственно внутри социологии — это какие-то глубинные теоретико-методологические сдвиги, меняющие лик науки и деятельность ученых. Называемый В.А. Ядовым процесс становления полипарадигмальности российской социологии — один из них, и его влияние мы обнаружим позже, когда начнем изучать биографии социологов Вашего и следующих поколений. Принципиальным также является активное проникновение в российскую социологию качественных подходов, это обещает приток в нее новых идей и новых людей. Развитие историко-социологических исследований, пронизывающих все этапы российской социологии, тоже значимый внутрисоциологический зов. Его эхо мы услышим через несколько лет или десятилетий.

Вопрос о влиянии партийной и заводской социологии на становление поколений социологов отчасти просматривается в интервью с Б. Максимовым, Ж. Тощенко и Ф. Шереги; эта тема развивается и в моих новых беседах. Пока что моя гипотеза такова: партийные, заводские социологи имели значимые для науки того времени достижения, только если они сотрудничали с академической и университетской наукой. Но это всегда было проявлением личностных (индивидуальных) устремлений ученых.

ЛК: Из Ваших слов следует, что к внутренней жизни науки Вы относите «жизнь идей». В самом деле, производство идей — главный смысл этого рода деятельности. Наука — закрытая, «сакральная» сфера, развивающаяся по своим законам. Но сейчас ее канонический смысл все более удаляется от реальности. Сейчас, как мне представляется, важно включать во внутреннюю жизнь науки и все, что значимо сопутствует возникновению идей (кстати, это традиционно для социологии науки), то есть особенности организации исследований, взаимодействия социологов, формы научной деятельности, и проч. и проч., — словом, все проявления жизнедеятельности научного сообщества, влияющие на характер порождаемых идей. Индивидуальные устремления и выборы, зависящие от наличных условий, также входят сюда, и эта зависимость никак не бросает тень на творческую само-

стоятельность исследователя, если таковая имеется. Отсюда важно учитывать и постановления, и введение социологического образования, и т. п. Иными словами, для анализа поколений важны все события, явно или предположительно имевшие влияние на внутреннюю жизнь сообщества и входящих в него людей. А какой источник происхождения этих событий — внутренний или внешний по отношению к науке — в этом смысле неважно. Да и грань бывает здесь почти не видна.

Как измерить значимость событий и их влияние на сообщество? Когда и в ком влияние начинает сказываться, становится наиболее заметным? Все это слабо предсказуемо, для ответов как минимум необходима историческая ретроспектива. Но можно наблюдать, что многие из произошедших событий уже «отзываются» в сообществе российских социологов. Не соглашусь с Вами, что влияние замены советского марксизма тенденцией к мультипарадигмальности, мы сможем обнаружить — причем позже — только на моем и более молодых поколениях, а старшие поколения надо исключить из сферы этого влияния. Напротив, именно они сейчас активнее других переосмысливают советские социологические традиции, занимаются поисками новых теоретических подходов, и, надеюсь, будут этим заниматься. Тому свидетельство — написанные ими книги и статьи. Процесс переосмысления только начат, но уже сейчас он изменяет облик поколений.

Вы говорите, что события в социологии, которые я перечислила, происходили намного позже анализируемого Вами временного интервала и поэтому их не надо учитывать. Но Вы же совершенно правильно утверждаете, что на новые вызовы отвечает не современное им поколение, а предшествующее. Возникает вопрос, какой интервал должен учитываться при анализе поколений? Думаю, это периоды до, во время и даже после функционирования каждого из них — как в индивидуальной судьбе. Почему? В первую очередь потому, что все значимые события в науке — в прошлом и настоящем того или иного поколения — мы должны априорно признать как несущие в себе новый, иной ценностный потенциал, «питающий» поколения, изменяющий его облик; а в будущем поколении мы должны пытаться разглядеть результаты этих влияний. Ведь влияние значимых событий имеет пролонгированный и кумулятивный характер, оно как бы разворачивается во времени. Поколения реально возникают на переломах времени, на прерываниях связи времен. Но в эти моменты влияние события только начинается. Далее поколения несут на себе знаки переломных моментов и последующих важных событий. Все перечисленные мной события пережили и старшее, и среднее поколения российских социологов; в новейших процессах начинают участвовать и самые молодые. Значимые события отзываются по-разному на каждом поколении, т. к. у каждого из них своя ретроспектива, свой опыт и свое настоящее, но все же отзываются — рано или поздно... В одном из интервью Г.С. Батыгин как-то заметил, что поколения — это форма организации социального времени... Но это большой вопрос, имеющий отношение и к методологии биографического исследования. Я знаю, что Вас тоже интересуют проблемы социального и исторического времени, но сейчас мы их вряд ли сможем обсудить...

10. Судьба, мания и действительность

ЛК: Вернусь к конкретным вопросам. Изучая биографии социологов, Вы использовали, кроме самого этого понятия, еще и слова «судьба», «мания»? Поясните их терминологическое значение в Вашем контексте? Какие функции они выполняют?

БД: Чем детерминируются долгосрочные научные интересы социологов, что удерживает их десятилетиями в одном объектно-предметном пространстве, кото-

рое, конечно же, расширяется, во многом ими, но которое вместе с тем хранит свое качественное своеобразие? Как они открывают для себя эту нишу, как происходит ее освоение, что не позволяет покинуть ее и какие силы, или причины, наоборот, вынуждают социологов оставлять сделанное и обживать новые исследовательские пространства? В какой мере эти переходы плодотворны для ученого и науки или нет? Это все вопросы, на которые должна ответить историческая наука, прислушиваясь к мнениям социологов.

Безусловно, существует сумма внешних обстоятельств, влияющих на выбор человеком своего жизненного пути, помогающих или ограничивающих выбор ими своего главного в жизни дела, регламентирующих характер и процесс его работы и возможности профессионального общения. Вместе с тем практика показывает, что в сходных обстоятельствах одни творческие личности (в частности социологи) быстро находят «свою» область мысленного и чувственного освоения, и, несмотря на множество различных проблем и препятствий, которые им приходится преодолевать, чувствуют себя в этой «своей» среде комфортно, могут долгие годы неистово обследовать ее и добиваются заметных результатов. Другие — часто не менее одаренные, пробуют что-то, но, не чувствуя удовлетворенности, пробуют себя в новой области. Иногда на определенном шаге поиск завершается успешно: человек находит свое дело и, тем самым, себя. Третьи — так все время и маяться, понимая, что жизнь уходит, а родное дело не найдено; человек — не распознал себя или не понял себя. Почему так происходит? Обратимся к рассмотрению двух механизмов самоуправления личности; обозначу их терминами «мания» и «судьба».

Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социальное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), ведет его по жизни (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни.

ЛК: Как же и для чего применять понятие «судьба» в биографическом исследовании, если биография — только малая часть судьбы?

БД: Соответственно, о судьбе применительно к биографическому анализу возможно говорить в трех смыслах [7]. Во-первых, судьба — это то, с чем человек приходит в мир или что в нем легко, без внутреннего сопротивления формируется в первые годы жизни. Одними людьми этот «зов» может быть воспринят и распознан довольно рано, и тогда комплекс этих ощущений детерминирует ведущие жизненные ценности и установки человека, в частности выбор им профессии. Но многим людям в силу объективных и субъективных обстоятельств не дано ощущение того, что он должен, призван что-то сделать для себя и других, возможно, для человечества в целом. Во-вторых, судьба, которую человек сам создает своей жизнью; это судьба-рукотворная, не унаследованная, не «подаренная», приобретенная, слепленная самой жизнью человека. В-третьих, судьба — это форма существования человека после его смерти, это жизнь того, что он оставил другим.

Судьба — многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти су-

деб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто — и много раньше. В общем случае, чем более продолжительный интервал времени отделяет биографа от его героя, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой, происходит мифологизация образа человека. К примеру, все перипетии давления властей на Ю. Леваду и его стойкое сопротивление сразу внесли его биографию в историю, и на протяжении значительной части жизни Левады его биография и судьба оказались тесно сплетенными [39].

ЛК: Что такое «мания» в Вашем контексте — род социологического помешательства?

БД: Слово мания часто используются как категорию психопатологии, но я хотел бы вернуться к его базовому греческому значению: страсть, влечение, одержимость, неистовство. В моем понимании мания — это комплекс разнообразных идей, возникающих у исследователя под воздействием какого-то сложного взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних переживаний, и детерминирующих его суперактивность в разработке представляющих ему важными проблем. Обычно это множество идей захватывает сознание человека целиком, порождает его высочайшую сосредоточенность, концентрацию на выделенных им самим познавательных проблемах и заставляет его отказываться от многого ради достижения поставленной научной цели. Естественно, здесь речь может идти как о теоретических проблемах, так и о программах прикладной направленности. Историками культуры и науки нередко подмечаются элементы маниакальности в творчестве великих музыкантов, художников, поэтов, математиков, ученых-естествоиспытателей и изобретателей.

Анализ процессов зарождения в США рекламы и технологии массовых опросов, а также изучение большого числа биографий выдающихся американских бизнесменов, рекламистов и полстеров позволили мне наблюдать пути становления и характер деятельности большого числа творческих личностей, зажатых своими идеями, совершивших то, что противоречило существовавшим традициям нормального ведения бизнеса или сложившимся представлениям об изучении рынка и массовых политических установок. Каждый из них вошел в историю как «отец» инновации, изменившей жизнь людей и общества. Ф.Т. Барнум сделал рекламу неотъемлемой частью современного бизнеса, Джон Уонамейкер доказал эффективность честной торговли, а Джон Пауэрс — честной рекламы. Альберт Ласкер выявил мощнейшие социально-преобразовательные функции рекламы, а Клод Хопкинс соединил науку и практику рекламы. Дэвид Сарнов создал бродкастинг, а Артур Нильсен стал первым в инструментальном изучении аудитории радио. Джордж Гэллуп — «отец» научной технологии изучения общественного мнения. Все они маниакально верили в важность, необходимость своего дела, терпели неудачи, но находили в себе силы для продолжения задуманного. В своем деле они видели свою судьбу, предназначение, свой ответ на вызовы прошлого и запросы будущего. Они могли быть одержимыми и были таковыми. Они чувствовали себя свободными и — главное — независимыми от власти, от государства. Они не ждали от него помощи и не выстраивали свои дела, согласуя их с интересами государства. Их жизнь — это торжество личности. В старости у людей всегда много печальных мыслей и тяжелых воспоминаний, но вряд ли все эти люди с грустью думали о прожитом.

ЛК: Российским социологам было труднее реализовать свою «манию», ведь их творческие порывы часто сдерживались? Примените ли Вы это понятие для объяснения творческой кухни российских социологов?

БД: Изучение биографий российских социологов дает нам иную картину взаимоотношений творца и власти: здесь торжествует государство. Те, кому историей было готовано в конце 50-х — начале 60-х годов начать новый этап в развитии российской социологии, шли в университеты, познав все тяготы войны, пережив гибель родных, испытав огромную радость Победы. Они гордились своим государством, верили в могущество социализма, были заботливо ограждены родителями, старшими от знания дореволюционной жизни и событий конца 30-х годов. Но при этом они осознанно шли учиться, чтобы лучше узнать мир и чтобы улучшить жизнь людей. Это была юношеская одержимость; они прекрасно учились, многие были Сталинскими стипендиатами и получали «красные» дипломы, искренне занимались общественной работой по линии комсомола, рано начинали самостоятельные научные исследования.

В период еще сохранявшегося «оттепленного» тепла эти молодые ученые, тогда 30-летние, конституировали социологию как самостоятельную науку и смогли провести исследование, признанные сегодня классикой советской социологии. Но прошло несколько лет, и все стало меняться. Планы — разваливались, надежды — улетучивались, возможности для работы и публикации результатов — сокращались и т.д. Одержимость ученых в познании общества и их предложения по коррекции социальной политики начинали пугать власть, поддержка властными структурами социологии сменилась подозрительностью к ученым и созданием условий, в которых невозможно становилось работать.

Усиление цензуры и распространение самоцензуры имело своим следствием выхолащивание из публикуемых результатов наиболее ценного, нового, могущего будоражить сознание. Хотя, характеризуя возможность заниматься интеллектуальной деятельностью во второй половине 1970-х, Левада говорил: «Она на самом деле у всех есть. Если кто захотел бы, она бы сохранялась, потому что сплошной завесы не было, стена была дырчатая» [40].

Власть еще обращалась к социологам, но одновременно ограничивалась семантика пространств, в которых им было разрешено работать. Выход за «флажки» грозил приостановлением проекта и отлучением строптивых от него. Перед ученым возникали следующие альтернативы: переход к изучению иных ниш социологической проблематики или в смежные области науки, либо уход из науки вообще. Обращение к биографическому материалу дает массу примеров подобного развития жизненных траекторий социологов первых поколений. Лишь единицам удавалось, претерпевая множество неудобств и идя на жертвы, не отступиться от своих замыслов, демонстрируя некую маниакальность или следование предначертанной судьбы. Одной из отличительных черт хрущевского и более поздних советских режимов было стремление к унификации поведения личности, и — безусловно — это оборачивалось сокращением допустимых стилей творческого поведения.

Наука развивалась в ненормальных условиях, бессмысленно было думать о реализации своих планов на познание общества и участие в его трансформации. Десятилетия ушли на выживание. Неистовство не могло быть востребовано, обстановка в стране глушила его. Социология во многом «перекочевала» в публицистику, в самиздат и в литературу тех, кто вскоре оказался на Западе. Перестройка показала, что молчание и пассивность социологов первых поколений в 70-х — начале 80-х годов была вынужденной, они были свободными, но резко ограниченными в правах и возможностях и потому этой свободой не чувствовали. Б. Грушин назвал свои воспоминания, написанные в конце 90-х, «Горький вкус невосстановленности», И. Кон озаглавил их «Эпоху не выбирают» [11].

ЛК: ...а свою новую книгу — «80 лет одиночества»...

* * *

ЛК: И последний вопрос: как бы Вы сейчас определили основную задачу историка российской социологии XX–XXI веков?

БД: Собранные материалы и первые попытки его осмысления дают повод серьезнейшим образом задуматься о том, как писать историю современной советской/российской социологии. В написании истории есть сложности технического, организационного, инструментального и нравственного плана. Более трети века назад историк и философ физики Борис Кузнецов заметил: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [41, с. 4]. Следовательно, уточняется главная задача историков науки. Они должны доносить прошлое до будущих поколений таким образом, что они не только знали то, что было сделано их предшественниками, но и понимали, чего это им стоило.

ЛК: Спасибо за интересную беседу!

Литература

1. Докторов Б., Козлова Л. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html>.
2. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf>.
3. «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» <<http://www.teleskop-journal.spb.ru/>>.
4. «Социальная реальность» <<http://socreal.fom.ru/>>.
5. «Социологический журнал», 1997–2007 (№1) <<http://www.socjournal.ru/releases>>.
6. The International Biography Initiative <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
7. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: история зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008.
8. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1198483131163958file.pdf>.
9. Докторов Б.З. История есть, только если она написана // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №4. С. 1–8.
10. Докторов Б. Александр Даллин: американец, всю жизнь изучавший Россию <http://www.polit.ru/science/2008/12/11/firsov_shanin.html>.
11. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
12. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001.
13. Докторов Б.З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. №1. С. 118 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_contin.html>.
14. Электронное письмо Л. Козловой Б. Докторову от 23 ноября 2008 года.
15. Артемов В.А.: «Время было моим главным ресурсом...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 2 – 14.
16. Фирсов Б.М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2–12 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893545365654file.pdf>.
17. Докторов Б.: «Работа над биографиями — это общение с моими героями» (Интервью В. Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №1 С. 40–50 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208533220388169file.pdf>.
18. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №3. С. 47–60 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content121601777511087file.pdf>.
19. Козлова Л. О реконструкции истории послереволюционной социологии. Комментарии к диалогу Б. Докторов и В. Ядова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №3 С. 61–64 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1216017643422436file.pdf>.
20. Петровская И.Ф.: «Эпоха — не исторический фон, а партнёр человека в драме его жизни» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №4 С. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/petrovskaya.html>>.
21. Докторов Б. Биография — это рассказ о прошедшем, но написанный сегодня // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №4 С. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_popova.html>.
22. Кесельман Л.Е.: «...Случайно у меня оказался блокнот в клеточку» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2–13. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893312221433file.pdf>.
23. Докторов Б. Как это было. Комментарий к интервью с Л.Е. Кесельманом // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 14. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/keselman.html>>.
24. Докторов Б. Как это было – 2. Анатомия закрытия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №6. С. 14–16 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348535107750file.pdf>.
25. Докторов Б. Как это было — 3. Об анатомии коллективного действия // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 6. С. 13–15 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230123535264416file.pdf>.
26. Докторов Б.З. Он изучал людские мнения «нешадно, вопреки всему». Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171–184
27. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №2. С. 25–33 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf>.
28. Докторов Б.З. Рассказ о книге, которой нет // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15–19. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/kapelush_tribute.html>.
29. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>>.
30. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf>.

- journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348776136281file.pdf>.
31. Докторов Б. Скала Андрея Алексея // Социальная реальность. 2008. № 9 (в печати)
 32. О разномыслии и инакомыслии в СССР. Б. Фирсов рассказывает о его новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. № (в печати)
 33. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26-27 октября 2007 г. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
 34. Заславская Т.И.: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749684184594file.pdf>.
 35. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170 <<http://soc.rsu.ru/article.html?id=67044>>.
 36. Шереги Ф.Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf>.
 37. Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1–13. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1211644804185600file.pdf>.
 38. Козлова Л.А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике // Наука в XXI веке — смена поколений. СПб.: Нестор-История, 2009 (в печати).
 39. Докторов Б. Юрий Левада. К изучению биографии и судьбы // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 109–118.
 40. Левада Ю. «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 162. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html>.
 41. Кузнецов Б.Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972. С. 4.

Поздравляем!

Редакционный совет журнала «Телескоп» поздравляет доктора философских наук, профессора Доктора Бориса Зусмановича — одного из членов Совета и постоянного автора журнала, с присуждением ему российской Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» по номинации — теория. Эта престижная премия присуждена ему за его книгу «Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов» (М.: ЦСП. 2008). При выборе лучшей работы оценивались оригинальность замысла и авторское мастерство, системность и научный подход, степень воздействия на развитие позитивной репутации профессии, степень влияния на развитие отрасли. Монография Б.З. Докторов была выбрана из 31 книги, вышедших в 2008 г. и посвященных рекламе и PR.

Приятно отметить, что книга, получившая столь высокое признание специалистов в области маркетинга и исследований рынка, родилась из серии статей Б.З. Докторов, опубликованных в «Телескопе» в 2000-2007 годах.